

[Кудрявцев-Платонов В. Д.] Безусловный прогресс и истинное усовершенствование рода человеческого // Прибавления к Творениям св. Отцов 1860. Ч. 19. Кн. 1. С. 6—50 (1-я пагин.).

БЕЗУСЛОВНЫЙ ПРОГРЕССЪ И ИСТИННОЕ УСО- ВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Въ наше время и въ печати и въ разговорахъ часто употребляется слово *прогрессъ*; можно бы подумать посему, что и понятіе, выражаемое имъ, принадлежитъ къ числу не только самыхъ современныхъ, но и самыхъ ясныхъ, о истинномъ значеніи и вѣрности которыхъ не можетъ быть и спора.

Что оно принадлежитъ къ числу самыхъ современныхъ, въ семъ конечно не можетъ быть сомнѣнія. Раскройте какую угодно книгу, съ такъ называемымъ современнымъ направленіемъ, и вы почти въ каждой изъ нихъ встрѣтите слово *прогрессъ* въ разнообразныхъ сочетаніяхъ мыслей. Но чтобы оно принадлежало къ числу самыхъ ясныхъ понятій, тѣмъ болѣе, чтобы всякое представленіе, соединяемое съ этимъ словомъ, было истинно,—на сіе нельзя согласиться.

Что такое прогрессъ? По буквальному смыслу слова, это есть простое движеніе впередъ; прогрессъ исторіи, прогрессъ науки есть постепенное, постоянное, живое ихъ развитіе. Въ такомъ понятіи конечно нѣтъ ничего ни особенно новаго, ни особенно

замѣчательнаго. Родъ человѣческій, какъ и каждый челоуѣкъ, не есть мертвое, неподвижное и неизмѣняющееся цѣлое; самое понятіе жизни заключаетъ уже въ себѣ понятіе движенія,—и исторія представляетъ намъ свидѣтельство такого движенія.

Но значеніе слова измѣняется, когда подѣ именемъ прогресса разумѣютъ не просто развитіе, движеніе впередъ,—которое можетъ быть столько же къ лучшему, сколько и къ худшему,—а движеніе къ совершенству, самое усовершенствованіе. Въ этомъ смыслѣ выраженія: «наше время есть время прогресса, нашъ вѣкъ—вѣкъ прогресса» и тому под. заключаютъ въ себѣ, не только простое указаніе явленій исторической жизни, но и оцѣнку современныхъ направленій и стремленій. Ими предполагается за неоспоримую истину, что наше время имѣетъ въ себѣ признаки совершенствованія.

Такое понятіе прогресса не такъ уже несомнѣнно ясно и очевидно по своей истинѣ, какъ первое. Можетъ возникнуть вопросъ: то, что обыкновенно называютъ усовершенствованіемъ, есть ли дѣйствительно усовершенствованіе? и частные успѣхи по различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія и жизни,—служатъ ли свидѣтельствомъ общаго и истиннаго усовершенствованія рода человѣческаго? Но мы не будемъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ требовательными въ отношеніи доказательствъ дѣйствительности современнаго прогресса: мы согласимся, что въ разсматриваемомъ нами смыслѣ, понятіе прогресса, хотя отчасти, но можетъ быть примѣнено къ настоящему времени. Дѣйствительно, въ области наукъ, особенно положительныхъ и въ сферѣ жизни

практической нельзя не замѣтить въ наше время ясныхъ признаковъ успѣха въ сравненіи съ предыдущими временами. Науки опытыя въ нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій подвинулись такъ далеко, какъ не подвигались прежде въ теченіи цѣлыхъ столѣтій,—и принесли очевидные плоды своего движенія во множествѣ усовершенствованій и изобрѣтеній, которыя облегчили человѣческій трудъ, открыли тысячи новыхъ удобствъ, сократили разстоянія мѣста и времени и тѣмъ содѣйствовали къ сближенію народовъ и взаимному ихъ образованію. Въ новѣйшее время съ особенною силою явились также и стремленія къ улучшенію формъ общественнаго устройства, съ цѣлію распространить по возможности благосостояніе между всѣми классами общества.

Но есть еще одно болѣе широкое значеніе слова *прогрессъ*, которое, по важности заключающагося въ немъ понятія, требуетъ уже особенно внимательнаго разсмотрѣнія. Частное явленіе усовершенности, замѣчаемое въ послѣднее время, многіе расширяютъ до размѣровъ явленія всеобщаго, всемірно-историческаго. Прогрессъ, замѣчаемый въ наше время, почитаютъ только болѣе яснымъ обнаруженіемъ постояннаго закона всемірно-исторической жизни. Родъ человѣческій, не только теперь, въ настоящее время усовершенствуется, но и прежде, хотя не всегда замѣтно, постоянно усовершенствовался; и впредь будетъ также усовершенствоваться; усовершенности его нѣтъ и не можетъ быть предѣловъ. На основаніи этого понятія прогрессъ почитаютъ необходимымъ и всеобщимъ закономъ исторической жизни; убѣжденіе въ его

истинѣ полагаютъ самымъ лучшимъ побужденіемъ къ нравственной, умственной и общественной дѣятельности; сомнѣніе въ немъ, самое требованіе доказательствъ, поставляютъ часто признакомъ отсталости отъ вѣка, привязанности къ отжившей старинѣ, вражды противъ всякихъ улучшеній, и проч.

Первый источникъ такого взгляда на жизнь всего чловѣчества, который не чуждъ и нашей литературѣ, заключается въ томъ понятіи о сущности чловѣческаго духа и законахъ его развитія, какое дано идеалистическою философіею въ Германіи въ недалекое еще отъ насъ время. Смѣшная жизнь рода чловѣческаго съ проявленіемъ самаго Божества, утверждая безусловную разумность за всеми общими явленіями сей жизни, — она естественно должна была видѣть въ ней необходимое, постоянно-разумное, вѣчное развитіе. Въ нашей литературѣ конечно не всегда былъ ясно усматриваемъ первоначальный источникъ идеи прогресса. Этимъ объясняется и то, почему все разсужденія и толки о прогрессѣ имѣютъ характеръ отрывочно выраженныхъ мнѣній, рѣзкихъ утвержденій, безъ всякихъ доказательствъ. Очень естественно, что понятіе о безусловномъ прогрессѣ жизни рода чловѣческаго, какъ занесенное къ намъ отвнѣ, отторгнутое отъ связи съ тѣми философскими началами, изъ которыхъ выводилось, и не могло явиться иначе, какъ въ видѣ неопредѣленного мнѣнія.

Но чѣмъ менѣе приведено въ ясную связь съ своими началами и чѣмъ болѣе распространено такое мнѣніе о прогрессѣ, тѣмъ большаго требуетъ оно разъясненія и повѣрки предъ судомъ разума и откровенія; потому что не для всѣхъ, кажется намъ,

ясно, что начала, изъ которыхъ оно истекаетъ, и слѣдствія, къ какимъ ведетъ, не могутъ быть со- глашены съ тѣми указаніями о жизни человѣческаго рода, какія даетъ откровеніе и которыя подтвер- ждаются самыми опытами дѣйствительной истори- ческой жизни. Чѣмъ болѣе распространено рассматри- ваемое нами мнѣніе, тѣмъ болѣе внимательнаго тре- буетъ оно разсмотрѣнія, потому что во всеобщности для многихъ заключается обаятельная сила, кото- рая невольно увлекаетъ умы, придавая внѣшній видъ основательности, часто не вполне основательнымъ мнѣніямъ.

Все сіе побуждаетъ насъ рассмотретьъ при свѣтѣ откровенія часто встрѣчающееся въ наше время мнѣніе о безусловномъ прогрессѣ въ исторической жизни человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараться найти истинную точку зрѣнія на этотъ предметъ, свободную отъ одностороннихъ воззрѣній.

I.

Будите совершенны, яко же Отецъ вашъ небес- ный совершенъ есть (а)! Вотъ высокая цѣль, ука- занная Спасителемъ міра для человѣка! Вотъ всеоб- щій и коренной законъ, который долженъ опредѣ- лять направленіе всей жизни, какъ отдѣльнаго чело- вѣка, такъ и всего человѣчества. Человѣкъ долженъ стремиться къ усовершенствованію всеми силами своей

(а) Матѳ. 5, 48.

природы чрезъ уподобленіе Существу всесовершенному. Такойъ законъ его природы вытекаетъ изъ самаго существа ея. Человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію; онъ долженъ слѣдовательно не только сохранять въ чистотѣ и неизмѣнности сей образъ, выражающійся въ совершенствахъ его духовной природы, которыми онъ отличенъ отъ неразумныхъ животныхъ, но и постоянно восходить посредствомъ дѣятельнаго усовершенія своихъ силъ и способностей до большаго и большаго подобія высочайшему Первообразу.

Очевидно при этомъ, что усовершенствованіе чловѣка не можетъ быть ограничено какою либо опредѣленною мѣрою, или временемъ. Назначеніе чловѣка — быть подобнымъ Существу высочайшему. Но Богъ безконечно совершенъ; никакое конечное существо, поэтому, не можетъ надѣяться достигнуть полнаго подобія Существу всесовершенному, въ какое либо опредѣленное время: оно можетъ и должно только постепенно и постоянно болѣе и болѣе приближаться къ Нему по степенямъ самоусовершенствованія, и въ этомъ постоянномъ приближеніи заключается его назначеніе и его блаженство.

Какъ предназначенный не къ какой либо опредѣленной мѣрѣ совершенства, но къ неограниченному усовершенію, чловѣкъ получилъ и природу, способную къ тому, духовную и безсмертную. Для того, чтобы уподобляться Существу безконечному, нужно и время безконечное. Законъ такого неограниченнаго усовершенія выражается ясно и въ главныхъ силахъ духа чловѣческаго; въ умѣ мы замѣчаемъ постоянное, неудовлетворяющееся никакими данными позна-

нiями стремленiе къ большому и большому познанию истины; въ волю—неменье постоянное желанiе, если и не всегда осуществленiе, нравственнаго совершенства, недовольство земными и ограниченными благами, исканiе все лучшаго и большаго, чѣмъ сколько даетъ и можетъ дать намъ настоящая жизнь. Вообще никакая достигнутая цель, въ жизни ли то отдѣльнаго лица, или цѣлаго человѣческаго рода, не удовлетворяетъ человѣка и не останавливаетъ его въ исканiи новаго и лучшаго, хотя бы и представлялось прежде, когда эта цель видѣлась только въ отдаленномъ будущемъ, что по достиженiи ея мы достигнемъ полнаго удовлетворенiя всѣхъ потребностей своей природы. Идеалы науки, счастiя, общественнаго устройства, какъ образы полнаго возможнаго совершенства, только до тѣхъ поръ могутъ оставаться идеалами, пока не будутъ достигнуты. Съ достиженiемъ ихъ постоянно открываются новыя и новыя потребности, новые идеалы, за достиженiемъ которыхъ конечно и опять открылись бы еще новыя цѣли для стремленiй человѣка. Такъ, ограниченному взору нашему можетъ казаться, что не далеко, тамъ, гдѣ встрѣчаетъ предѣлъ наше зрѣнiе, оканчивается и предѣлъ небснаго свода; но при дальнѣйшемъ движенiи нашемъ этотъ мнимый предѣлъ будетъ отодвигаться дальше и дальше въ безконечность. Если мы внимательнѣе всмотримся въ послѣднiя цѣли стремленiя нашего ума, сердца и воли, то скоро окажется, что мы и представить не можемъ такого опредѣленнаго состоянiя въ жизни духа, по достиженiи котораго наступило бы для него полное спокойствiе самоудовлетворенности, и

уже не было бы возможно никакое движеніе впередъ, никакое улучшение

Итакъ, если мы будемъ имѣть въ виду сущность природы человѣка и его назначеніе, то должны признать, что общій законъ его жизни есть законъ постепеннаго, постояннаго и безконечнаго усовершенствованія.

Но осуществляется ли этотъ законъ въ дѣйствительной жизни рода человѣческаго?

Не различая богоподобія человѣка отъ дѣйствительнаго проявленія Божества въ жизни рода человѣческаго, почитая духъ человѣчскій въ его всемірно-историческомъ развитіи ступеню (моментомъ) въ жизни абсолютнаго, новѣйшая идеалистическая философія конечно могла отвѣчать только безусловно-утвердительно на этотъ вопросъ. Мысль о безконечномъ, абсолютномъ прогрессѣ, первоначально явившаяся, какъ выводъ изъ ложныхъ теоретическихъ понятій о Богѣ и Его отношеніи къ міру, не исчезла при упадкѣ самой философіи, которая произвела ее. Отторгнутая отъ своихъ философскихъ началъ, она старается найти подтвержденіе себѣ въ исторіи. Вся исторія рода человѣческаго, говорятъ, представляетъ намъ картину постояннаго восхожденія отъ самаго грубаго, невѣжественнаго, въ нравственномъ отношеніи къ добру и злу безразличнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ не многимъ отличался отъ животнаго по своей дикости, къ состоянію большаго и большаго человѣческаго совершенства. Ничто не заставляетъ насъ думать, чтобы такому восхожденію положены были границы въ дальнѣйшемъ движеніи человечества, и чтобы

родъ человѣческій когда нибудь имѣлъ предѣлы въ своемъ существованіи на земномъ шарѣ. Случайно и подвержено изчезновенію частное, общее неизмѣнно; умираютъ индивидуумы, родъ остается постояннымъ. Но неограниченная жизнь возможна только при безграничномъ самоусовершеніи, потому что жизнь есть ничто иное, какъ постоянное движеніе и развитіе.

Разборъ философскихъ началъ теоріи абсолютнаго прогресса, началъ пантеистическихъ, отклонилъ бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей цѣли. Для людей, которые въ знаніи руководствуются не началами какой либо односторонней философіи, а непосредственнымъ свидѣтельствомъ разума, опыта и вѣры, внимательное наблюденіе скоро открываетъ, что мысль о безусловномъ прогрессѣ не можетъ быть соглашена ни съ понятіемъ о человѣческой природѣ, ни съ свидѣтельствомъ исторіи, а главное, съ тѣми указаніями, какія даетъ намъ о жизни рода человѣческаго откровеніе.

Дѣйствительно, законъ постояннаго усовершенствованія есть коренной законъ человѣческой природы; посему долженъ осуществляться въ жизни человечества. Но всегда ли осуществляется, или исполняется то, что должно исполняться? Въ мірѣ физическомъ законы, служащіе основаніемъ явленій и жизни физической, всегда осуществляются, потому что они суть законы механическіе, властвующіе съ необходимою силою надъ несамостоятельнымъ и несвободнымъ веществомъ. Въ мірѣ духовномъ законы дѣятельности духа, начертанные Твор-

чемъ въ его природѣ, осуществляются свободно, по мѣрѣ участія въ ихъ исполненіи существъ разумно-свободныхъ. Свобода существъ духовныхъ предполагаетъ уже, что законы міра духовнаго могутъ быть исполняемы, и нѣтъ. Тоже самое можетъ быть и съ закономъ самоусовершенія. Одно существованіе его и обязательность еще не говорятъ сами по себѣ объ его исполненіи. Дѣйствительно, мы видимъ на опытѣ, что въ жизни отдельныхъ лицъ этотъ законъ часто не выполняется, или выполняется несовершенно и неполно. Не у всѣхъ людей жизнь представляетъ постоянное восхожденіе къ совершенству, по всѣмъ направленіямъ духовной жизни, а въ отношеніи нравственномъ она представляетъ часто картину постепеннаго склоненія къ худшему и паденій. Итакъ нельзя отвергать того, что при свободѣ, составляющей существенную принадлежность человѣческаго рода и условіе къ осуществленію законовъ его жизни, эти законы могутъ быть не исполнены, или исполнены не такъ и не въ той мѣрѣ, какъ должны бы быть осуществляемы по требованію чистаго закона самаго по себѣ.

Что эта возможность отступленія не только отдельныхъ людей, но и всего рода человѣческаго, отъ закона постояннаго усовершенствованія, не всегда оставалась одною возможностью, — свидѣтельство тому представляетъ исторія. Дѣйствительный ходъ ея не всегда является такимъ, какимъ представляютъ его защитники теоріи безусловнаго прогресса.

По ихъ мнѣнію, первоначальное состояніе рода человѣческаго было дикое, несовершенное, почти животное, въ сравненіи съ которымъ все послѣдую-

щее развитіе его можетъ быть названо не иначе, какъ только усовершенствованіемъ. Но такое мнѣніе не имѣеть никакихъ историческихъ основаній. Правда, исторія говоритъ, что въ тѣ древнѣйшія времена, до которыхъ только простираются пытливые взоры ея, люди были несовершенны въ умственномъ и общественномъ отношеніяхъ; что съ теченіемъ времени свѣтъ знанія постепенно разгонялъ мракъ невѣжества, что формы общежитія постепенно смягчались и улучшались больше и больше. Но эти времена, до которыхъ достигаютъ достовѣрныя указанія свѣтскихъ историковъ, суть ли самыя первоначальныя? Очевидно нѣтъ. Родъ человѣческой существовалъ задолго до явленія исторіи и письменныхъ памятниковъ языческой древности, которые только одни часто и имѣють въ виду защитники безусловнаго прогресса. На какомъ же основаніи они почитаютъ первоначальную, такъ называемую доисторическую эпоху жизни человѣчества, еще менѣе совершенною, чѣмъ тѣ древнѣйшія времена, о которыхъ помнитъ исторія? Очевидно, что такое мнѣніе (такъ какъ оно не можетъ утверждаться на дѣйствительныхъ свидѣтельствахъ исторіи) основывается на одномъ предзанятомъ уже м. ѳніи о постоянномъ усовершенствованіи рода человѣческаго, при чемъ предполагается только, что самое первое состояніе его было и самое несовершенное.

Недостатокъ положительныхъ указаній исторіи хотять замѣнить аналогіею; указываютъ на существующія нынѣ такъ называемыя дикія племена, какъ на примѣръ того состоянія, въ которомъ находился и весь родъ человѣческой въ началѣ своего

существованія, и изъ котораго вышелъ только путемъ самоусовершенія. Но довольно и небольшого наблюденія, чтобы видѣть, что состояніе дикихъ племенъ вовсе не изображаетъ собою состоянія первобытнаго человѣчества. Если, по основному закону человѣческой природы, человѣкъ необходимо долженъ развиваться (что признаютъ и защитники безусловнаго прогресса), то будетъ совершенно не объяснимо, почему дикари цѣлыя тысячелѣтія находятся на одной и той же степени естественнаго состоянія? Очевидно, самый законъ развитія предполагаетъ, что, если настоящее положеніе дикихъ племенъ и ихъ долговременное существованіе не можетъ быть названо состояніемъ совершенства, то оно можетъ быть только состояніемъ упадка, а не естественнаго первоначальнаго быта, постоянно будто бы остающагося неизмѣннымъ. Нравственное положеніе такихъ одичалыхъ племенъ подтверждаетъ эту мысль. Состояніе ихъ не есть только состояніе простоты, невѣжества и какого-то предполагаемаго нравственнаго безразличія: напротивъ, чѣмъ ниже на лѣстницѣ общественности и образованія стоитъ племя, тѣмъ оно безнравственнѣе, жесточе и преданнѣе порокамъ. Если бы даже, какъ думаютъ, человѣкъ въ первобытномъ состояніи своемъ приближался къ животному; то онъ въ томъ положеніи, какое теперь почитаютъ близко подходящимъ къ первобытному, и былъ бы похожъ на животное, по отсутствію понятій, какъ о добрѣ, такъ и о злѣ, и по господству въ немъ однихъ только животныхъ инстинктовъ. Но дикій человѣкъ въ этомъ отношеніи очень отличается отъ животнаго. Животное, руко-

Водясь только влеченіями своей природы, не умерщвляетъ однородныхъ себѣ, и не употребляетъ въ пищу, какъ каннибалы, животное не совершаетъ такихъ дѣйствій звѣрства и жестокости, къ какимъ способенъ одичавшій человекъ: животное болѣе кротко въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, нежели иной дикарь, животное не коварно безъ нужды, не умѣетъ отнимать чужаго изъ одного тщеславія и корысти, и проч. Эти несчастныя черты ясно показываютъ, что дикое состояніе не есть первоначальное, какъ бы грубымъ мы его ни представляли, а состояніе крайняго умственного и нравственного упадка. Оно указываетъ на нѣкогда бывшее лучшее и совершеннѣйшее состояніе многихъ, нынѣ дикихъ племенъ человѣческаго рода. У дикарей конечно нѣтъ исторіи, и потому нельзя показать для каждаго племени, какъ, когда и отъ чего оно пало и унизилось. Но есть въ ихъ духовной жизни явленія, которыя показываютъ слѣды прежняго, гораздо болѣе совершеннаго, чѣмъ настоящее, ихъ состоянія. Болѣе ясны изъ такихъ слѣдовъ открываются въ языкѣ; филологи часто съ удивленіемъ замѣчаютъ, что у дикихъ племенъ и народовъ, очень мало образованныхъ, языки представляютъ замѣчательную степень совершенства и богатства, заключаютъ слова для выраженія отвлеченныхъ понятій и стройность грамматической связи (б). Если вспомнимъ, что языки

(б) Вотъ напримѣръ отзывъ Ал. Гумбольдта о языкахъ американскихъ дикарей: „всѣ, что нѣкоторые ученые на основаніи отвлеченныхъ теорій утверждали о мнимой бѣдности американскихъ языковъ и о крайнемъ несовершенствѣ ихъ числитель-

составляютъ самое древнее и неизмѣнное наслѣдіе народовъ отъ времени первобытныхъ; то убѣдимся, что первоначальное состояніе рода человѣческаго никакъ не можетъ быть такъ грубымъ, какъ иногда представляютъ. Эпоха, когда народъ составилъ себѣ языкъ, никакъ не можетъ быть ниже той эпохи, когда онъ, не только не способенъ къ подобной духовной производительности, но, какъ многія дикія племена, не пользуется даже готовымъ, полученнымъ отъ предковъ, богатствомъ своего языка, который оказывается шире, чѣмъ область ихъ поня-

ныхъ системъ, также неосновательно, какъ и утверждения о слабости и тупости рода человѣческаго въ Новомъ свѣгѣ... Многіе идиомы, которые нынѣ принадлежатъ племенамъ варварскимъ, по видимому суть остатки богатыхъ, гибкихъ языковъ, кои указываютъ на предшествующее образованіе.“ *Vues des Cordilleres* т. 11. р. 28. 29. Извѣстный филологъ Вильгельмъ Гумбольдтъ вполне раздѣляетъ мнѣніе своего брата объ американскихъ языкахъ. О языкахъ другихъ племенъ см. *Eus. Salles. Hist. des races hum. Par. 1848.* р. 83. 84. Вообще замѣчательно, что, не смотря на умственную слабость многихъ дикихъ племенъ, миссіонеры, гдѣ ни проповѣдывали, переводили безъ особеннаго труда на языки туземцевъ главнѣйшія молитвы и начальныя наставленія въ вѣрѣ. Библія переведена на языки многихъ дикихъ племенъ трудами протестантскихъ проповѣдниковъ. Если вспомнимъ, что въ священномъ Писаніи, кромѣ истиннъ вѣры и нравственности, встрѣчается множество понятій, принадлежащихъ къ различнымъ областямъ знанія, то переводъ ея будетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что въ языкахъ и дикихъ племенъ заключаются слѣды нѣкогда лучшаго умственного ихъ состоянія. когда у нихъ были въ обращеніи тѣ понятія, для которыхъ въ наше время сохранились только слова.

тій. Иногда прежнее лучшее состояніе народа одичалаго показываютъ и самыя остатки древнихъ искусствъ въ странахъ, занимаемыхъ ими. Развалины огромныхъ построекъ въ лѣсахъ Америки, остатки зданій въ самой Австраліи, указываютъ на лучшее нѣкогда положеніе обитателей этихъ странъ. Наконецъ самая исторія представляетъ примѣры не только постояннаго усовершенія, но и нисхожденія племень съ высшей степени образованія на нисшую. Потомки народовъ, стоявшихъ нѣкогда во главѣ древняго образованія, Ассиріянъ, Халдеевъ, Египтянъ, Финикіянъ, потомки Мехиканцевъ и Перуанцевъ, достигшихъ довольно значительной степени самостоятельнаго развитія, ведутъ жалкую жизнь кочевыхъ и разбойническихъ племень, въ пустыняхъ, нѣкогда цвѣтущихъ и плодородныхъ царствъ, утративъ свою самостоятельность и умственное превосходство. Если потомки этихъ народовъ могли такъ низко упасть въ отношеніи къ образованію, то что сказать о глубинѣ паденія, до которой могутъ дойти тѣ племена, которыя никогда не достигали подобной степени развитія, кои, по отдаленности отъ средоточій образованности, по географическому положенію, или по особенно неблагоприятнымъ историческимъ обстоятельствамъ, не могли посредствомъ соприкосновенія или сліянія съ другими народами поддерживать остатки своего прежняго образованія и обновлять ихъ заимствованіями отъ новыхъ образованныхъ племень? Совершенное одичаніе будетъ ихъ удѣломъ.

Какъ первоначальное состояніе жизни рода человеческого не можетъ быть признано состояніемъ

крайняго несовершенства, такъ точно и дальнѣйшее движеніе сей жизни не оправдываетъ той мысли, что оно есть постоянное и неуклонное усовершенствованіе. Самые ревностные защитники прогресса, не отвергая всѣхъ общепризнанныхъ понятій о совершенномъ и несовершенномъ, конечно не могутъ отвергнуть того, что не каждый новый шагъ человечества на пути его историческаго движенія есть непременно шагъ впередъ, къ большему совершенству. Они не могутъ не сознаться, что въ исторіи народовъ и рода человеческого бываютъ времена продолжительнаго умственнаго застоя и невѣжества въ слѣдъ за эпохами, въ которыя выражалось оживленное стремленіе къ изслѣдованію истины. За временами процвѣтанія наукъ и искусствъ слѣдовали времена упадка, забвенія прежде пріобрѣтеннаго и неумѣнья пользоваться имъ. Тоже самое явленіе усматривается въ жизни нравственной и общественной; и здѣсь врожденное человеческому духу требованіе постояннаго усовершенствованія было нарушаемо иногда самымъ печальнымъ образомъ и на продолжительное время. Времена сравнительно высокаго состоянія общественной жизни смѣнялись временами истощанія нравственной силы народовъ, выражавшагося въ упадкѣ государственной жизни. Такое непостоянство, такіе перерывы въ движеніи къ усовершенствованію не наводятъ ли тѣни сомнѣнія на неизмѣнность и безусловную необходимость закона историческаго прогресса?

Дѣйствительно, частые перерывы въ движеніи къ совершенству, долговременныя иногда состоянія упадка, рѣшительно необъяснимы съ точки зрѣнія

безусловнаго прогресса. По этой теоріи, каждый шагъ человѣка на пути исторической жизни долженъ бы быть необходимо движеніемъ впередъ. Если духъ человѣческой есть проявленіе духа безконечнаго, восходящаго по различнымъ ступенямъ общечеловѣческой жизни къ самосознанію; то откуда могутъ быть уклоненія отъ правильнаго пути этого восхожденія, остановки на немъ, тѣмъ болѣе временныя движенія назадъ? Скажутъ: сіи остановки и уклоненія суть явленія, или случайныя и незначительныя, или только кажущіяся, въ слѣдствіе нашего незнанія—какъ объяснить разумную необходимость ихъ въ общемъ ходѣ исторической жизни. Но такой всеоправдывающій взглядъ приведетъ необходимо къ крайне ложнымъ и опаснымъ выводамъ, — къ отрицанію различія между добромъ и зломъ въ явленіяхъ общественной жизни народовъ, къ признанію зла точно также, какъ и добра, необходимымъ, хотя бы то и отрицательнымъ, условіемъ (или моментомъ) общечеловѣческой жизни, имѣющимъ свой смыслъ, свое значеніе и оправданіе своей необходимости въ самомъ себѣ. Все дѣйствительное, какъ скоро оно явленіе общее, представится необходимымъ и разумнымъ, — взглядъ, къ которому и приходятъ строго послѣдовательныя пантеистическія системы и основанныя на нихъ философскія теоріи исторіи. Но если смотрѣть на исторію, не какъ на обнаруженіе самой жизни Божества, въ формѣ сознательно - конечнаго бытія, а какъ на жизнь, хотя духовно-разумныхъ, но совершенно отличныхъ отъ Божества по своей природѣ и посему ограниченныхъ и несовершенныхъ существъ; то изъясне-

ніе различныхъ уклоненій челоуѣка отъ акона усовершенности легко найдемъ въ свойствахъ самой природы его,—въ его свободной волѣ, которая можетъ склоняться, какъ къ добру, такъ и къ злу. Самыя сіи уклоненія ясно показываютъ намъ, что законъ прогресса, существуя дѣйствительно, какъ законъ нравственный, безусловно-обязательный для рода челоуѣческаго, — именно потому самому, что онъ нравственный, не есть законъ физической необходимости, но основывается на свободѣ, которая дѣлаетъ возможнымъ, какъ осуществленіе, такъ и неисполненіе его

Если такимъ образомъ прошедшая жизнь рода челоуѣческаго не оправдываетъ мнѣнія о постоянномъ и необходимомъ усовершенствованіи его, то очевидно исторія не можетъ служить доказательствомъ и той мысли, что и впредь усовершенствованіе и жизнь рода челоуѣческаго на землѣ не прекратится; исторія не можетъ служить основаніемъ той *вѣры* въ будущій безконечный прогрессъ, какой иногда требуютъ его защитники. Правда, намъ скажутъ, что, не смотря на частныя остановки челоуѣческаго рода на пути къ совершенству, какъ бы продолжительными онѣ иногда никазались, до сихъ поръ однакожъ челоуѣчество усовершенствуется. Какъ бы ни былъ глубокъ мракъ невѣжества, смѣнявшій свѣтлыя эпохи просвѣщенія, какъ бы ни былъ великъ и продолжителенъ упадокъ нравственной и общественной жизни, всегда родъ челоуѣческій пробуждался отъ своего усыпленія, возставалъ отъ своего временнаго паденія. Не должны ли мы надѣяться, что и въ будущемъ, каковы бы ни были катастрофы, имѣю-

щія случится съ нашимъ настоящимъ образованіемъ и общественностію, родъ человѣческой счастливо пройдетъ ихъ, чтобъ явиться въ новомъ блескѣ, съ новыми силами? Но надежда, основанная на одной только аналогіи прошедшаго, не составляетъ еще неоспоримаго ручательства въ истинѣ предмета нашей надежды. Мы не имѣемъ права, на основаніи однихъ только примѣровъ прошедшаго, судить о будущемъ и заключать, что, если такъ было прежде, то не иначе будетъ и послѣ. При томъ же, и вызывая прошедшее, чтобъ гадать по немъ о будущемъ, мы видимъ, что его свидѣтельства въ этомъ отношеніи довольно двусмысленны. Если изъ предыдущихъ успѣховъ рода человѣческаго и можно заключать о будущихъ, то, съ равнымъ правомъ, изъ наблюдений надъ явленіемъ постепеннаго развитія, усовершенія, а за тѣмъ упадка каждаго отдѣльнаго народа, изъ совокупности которыхъ слагается человѣчество, можемъ заключать и то, что таже участь угрожаетъ и всему человѣчеству. Можетъ быть (и этой возможности мы ни какъ не можемъ устранить какими либо выводами изъ предшествующей исторіи), — можетъ быть, что и для рода человѣческаго, послѣ извѣстной степени совершенства, наступитъ такой окончательный упадокъ, послѣ котораго невозможно уже будетъ, не только дальнѣйшее движеніе впередъ, но и самое существованіе его на землѣ въ настоящей формѣ его бытія.

Дѣйствительно, ни въ свойствахъ природы чловѣка, ни въ его исторіи мы не находимъ никакихъ основаній къ мнѣнію о безконечномъ существованіи и усовершенствованіи его на землѣ. Вопреки мнѣнію

защитниковъ абсолютнаго прогресса, что общее есть проявленіе начала Божественнаго и потому вѣчно, что умирають индивидуумы, а родъ пребываетъ постоянно,—существенныя черты человѣческой природы и исторія показываютъ совершенно противное. Не говоримъ о ложности пантеистической мысли о тождествѣ конечнаго (хотя бы то не индивидуально - конечнаго, а общаго) бытія съ Божественнымъ; эта мысль слишкомъ ясно противорѣчитъ нашему сознанію (котораго свидѣтельство должно быть принимаемо всякою философіею), всегда отдѣляющему наше конечное я, равно какъ и всю совокупность конечныхъ существъ отъ безконечнаго и совершеннѣйшаго Существа. Самая природа, указывающая въ своей исторіи (палеонтологія) исчезновеніе не только частныхъ и единичныхъ предметовъ, но и цѣлыхъ родовъ и видовъ растений и животныхъ, опровергаетъ то мнѣніе, что погибають только индивидуумы, а роды пребываютъ вѣчно. Исторія человѣчества также представляетъ множество примѣровъ прекращенія самостоятельной народной жизни и историческаго значенія цѣлыхъ народовъ, не говоря о такъ называемомъ вымираніи, или совершенномъ исчезновеніи, въ слѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ цѣлыхъ племенъ. Но если каждому народу суждено совершить свой опредѣленный кругъ исторической жизни, то не должны ли мы предположить, что есть опредѣленная цѣль, а слѣдовательно и опредѣленный предѣлъ для существованія рода человѣческаго на земномъ шарѣ? Духъ человѣческій конечно безсмертенъ и предназначенъ къ безконечному усовершенствованію

за предѣлами земнаго бытія; но родъ человѣческій, родъ земнородныхъ, обложенныхъ тѣломъ, существъ, не можетъ быть вѣчнымъ на землѣ. Если для жизни души, какъ существа невещественнаго, нѣтъ предѣловъ во времени, то для души, соединенной съ тѣломъ, долженъ быть предѣлъ земнаго развитія, полагаемый ограниченностію чувственной стороны человѣческой природы, способной только до опредѣленной степени и мѣры служить органомъ духа въ земной области его бытія. Все сказанное теперь о природѣ человѣка имѣетъ приложеніе и ко всему человѣчеству. Безконечная жизнь и неограниченное усовершенствованіе возможны только для одной духовной стороны человѣчества, не ограничиваемой предѣлами земнаго, чувственнаго бытія. Но какъ родъ человѣческій, какъ родъ существъ, облеченныхъ плотію и обреченныхъ жить и дѣйствовать въ области земнаго существованія, человѣчество должно имѣть и предѣлы своему существованію на землѣ и своему развитію и усовершенію въ области этого существованія. Итакъ на землѣ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ мы нынѣ существуемъ, мы не можемъ допустить, ни безконечнаго существованія, ни безконечной усовершенности рода человѣческаго.

Изъ вышесказаннаго мы видимъ, что теорія безусловнаго и неограниченнаго прогресса въ историческомъ движеніи рода человѣческаго, не находя твердаго основанія въ свойствахъ духа человѣческаго, встрѣчаетъ сильныя возраженія и въ самой исторіи. Но, что всего важнѣе для мыслителя христіанина, положенія сей теоріи о первоначальномъ состояніи, послѣдующемъ непрерывномъ движеніи къ совер-

шеству и будущей судьбѣ человѣческаго рода не могутъ быть соглашены съ тѣми понятіями о жизни человѣчества, какія сообщаетъ откровенное ученіе, подтверждающее въ семъ случаѣ свидѣтельства разума и исторіи.

1) По теоріи абсолютнаго прогресса, родъ человѣческой въ началѣ находился въ состояніи крайне несовершенномъ, дикомъ, почти животномъ. Священное Писаніе, напротивъ, изображаетъ первобытное состояніе человѣка совершенно иными чертами, нежели тѣ, коими описываютъ оное защитники теоріи историческаго прогресса. Прародители человѣчества, созданные по образу и подобию Творца, являются въ немъ украшенными всѣми совершенствами ума и воли. Ясность ума, чистота души, близость къ Богу, безболѣзненность и безсмертіе тѣла дѣлаютъ ихъ состояніе въ раю столь блаженнымъ и совершеннымъ, какимъ оно не является въ послѣдствіи (в).

Хотя паденіе и лишило первобытное человѣчество тѣхъ совершенствъ, которыми обладалъ первый че-

в) Съ свидѣтельствомъ священнаго Писанія, единственно вѣрнаго источника свѣдѣній о первобытныхъ временахъ, согласны и тѣ отрывочныя указанія, которыя сохранились отъ этихъ отдаленныхъ временъ въ преданіяхъ различныхъ народовъ о первоначальной жизни рода человѣческаго. Въ этихъ преданіяхъ первобытное состояніе человѣчества обыкновенно изображается счастливымъ, свободнымъ отъ заботъ и нуждъ послѣдующихъ временъ, состояніемъ близости къ Божеству и нравственнаго совершенства. Вообще идея греческаго сказанія о золотомъ вѣкѣ и смѣнявшихъ его другихъ вѣкахъ въ различныхъ формахъ

ловѣкъ, тѣмъ не менѣе близость къ нему по времени не могла уничтожить еще въ немъ многихъ свѣтлыхъ чертъ, которыя были отраженіемъ свѣта, озарявшаго нѣкогда прародителей. Особенно ясно лучи сего свѣта, постепенно померкавшаго, замѣтны въ религіозныхъ понятіяхъ древнѣйшихъ народовъ, которыя были чище, нежели понятія ихъ потомковъ, когда по мѣрѣ распространенія языческихъ суевѣрій, болѣе и болѣе были заглушаемы остатками первобытнаго религіознаго преданія, замѣтные впрочемъ еще во всѣхъ древнихъ языческихъ религіяхъ (г).

2) По теоріи безусловнаго прогресса, историческое движеніе жизни рода человѣческаго совершается по неизмѣнному, разумно-необходимому закону самоусовершенствованія. Священное Писаніе напротивъ представляетъ частые примѣры уклоненія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ и всего рода человѣческаго къ злу; а вмѣняя сіи уклоненія въ преступленія, повѣствуя о праведныхъ наказаніяхъ Божіихъ, поражавшихъ ихъ, и указывая въ нравственномъ исправленіи возможность предотвратить и избѣжать ихъ, оно ясно показываетъ, что источникъ, какъ сихъ уклоненій, такъ и историческихъ событій, происходящихъ въ слѣдствіе ихъ, не въ какомъ либо съ необходимостію властвующемъ

находится почти у всѣхъ древнѣйшихъ народахъ. Сводъ этихъ преданій можно найти въ книгѣ: „Die Traditionen des Menschengeschlechts, v. H. Lücken“. 1856. стр. 63—130.

г) См. статью: „О единобожіи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго“. Приб. къ Твореніямъ Св. Отцевъ 1857. г кн. 3.

надъ жизнію человѣчества и опредѣляющемъ ее законѣ, но въ свободной волѣ человѣка, которая составляетъ принадлежность столько же отдѣльнаго человѣка, сколько и всего рода человѣческаго. Такъ, кромѣ частныхъ указаній на различныя нравственныя паденія цѣлыхъ народовъ, вызывавшія праведный гнѣвъ Божій, казни и самое истребленіе ихъ (напр. хананейскихъ племень, населявшихъ Палестину до водворенія въ ней Израильтянъ), священное Писаніе указываетъ на двѣ эпохи крайняго упадка всего рода человѣческаго и производитъ оныя отъ свободного склоненія человѣчества къ злу, — на времена допотопныя, когда *вся земля растлѣя предъ Богомъ и наполнися неправды* (Быт. 6, 11.), и на времена, предшествовавшія явленію Христа Спасителя, когда весь языческій и даже іудейскій міръ, за малыми исключеніями, былъ близокъ къ совершенному разрушенію (Римл. 1 и 2 гл.). Не ужели эти двѣ мрачныя и страшныя эпохи, въ жизни рода человѣческаго, когда онъ находился на краю гибели и былъ спасенъ только необыкновеннымъ дѣйствіемъ Промысла, то страшно и праведно карающаго, то человѣколюбно милующаго и спасающаго, были необходимыми и разумными явленіями въ жизни человѣчества, необходимыми ступенями, на пути его самоусовершенствованія, а не жалкими явленіями превратнаго направленія къ злу свободы человѣческой? Въ исторіи народа избраннаго, которая составляетъ главный предметъ священнаго Бытописанія, Господь неоднократно возвѣщаетъ, что дальнѣйшая историческая судьба его вполне будетъ зависетьъ отъ его свободы, отъ его слѣдованія заповѣдямъ

Божіимъ, или отверженія ихъ (напр. Лев. гл. 26; Второзак. гл. 28.). Послѣдующія событія дѣйствительно подтверждаютъ истину сего. Политическое благосостояніе израильскаго народа возвышалось съ его благочестіемъ и падало съ распространеніемъ нечестія и идолопоклонства. Не должны ли мы признать подобную же зависимость исторической жизни отъ нравственно - свободнаго состоянія и въ исторіи другихъ народовъ и объяснять ея важнѣйшія явленія народной и общечеловѣческой жизни, гораздо истиннѣе и основательнѣе, нежели изъ необходимаго сдѣяленія событій? Историческія явленія суть плодъ не случайнаго только столкновенія обстоятельствъ и не проявленія необходимаго какого либо закона, но явленія свободы, которая, какъ въ жизни человѣка, по несовершенству его природы, склоняется то къ добру, то къ злу, такъ и въ жизни рода человѣческаго обнаруживается въ смѣнѣ явленій то усовершенствованія, то упадка.

3) Наконецъ, теорія абсолютнаго прогресса мечтаетъ о будущемъ безконечномъ усовершенствованіи рода человѣческаго и безконечномъ существованіи его на землѣ. Священное Писаніе и здѣсь разрушаетъ подобныя мечты. Оно не только ясно указываетъ на опредѣленныя границы существованія рода человѣческаго на землѣ, говоря намъ о кончинѣ міра, но и изображаетъ, предшествующія этой кончинѣ, послѣднія времена, какъ времена крайняго упадка нравственности религій, сильнаго распространенія чувственности и своекорыстія съ оскуднѣніемъ любви (2 посл. къ Тим. 3, 1—5.). Хотя оно, повидимому, ничего не говоритъ объ умственномъ состоя-

ніи челоуѣчества въ то время , независимо отъ религіи, но, по тѣсной связи знанія съ нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ челоуѣка, какъ показываетъ исторія образованія въ каждомъ народѣ, должно полагать, что и въ дѣль знанія отразится всеобщій упадокъ челоуѣчества.

II.

Предыдущія изслѣдованія показали намъ , что мнѣніе объ абсолютномъ прогрессѣ оказывается крайне нетвердымъ и несостоятельнымъ, какъ предъ судомъ откровеннаго ученія, такъ и предъ судомъ разума и исторіи.

Но да не подумаетъ кто либо, что отвергающій подобное мнѣніе необходимо долженъ отвергать поэтому и самый прогрессъ, какъ нравственно обязательный для челоуѣка законъ постояннаго усовершенствованія, и самыя явленія такого прогресса, — дѣйствительныя усовершенствованія въ родѣ челоуѣческомъ. Думать такъ — значило бы переходить изъ одной крайности въ другую, противоположную. Защитники теоріи абсолютнаго прогресса дѣйствительно часто представляютъ себѣ, что кто вмѣстѣ съ ними не признаетъ безусловной усовершенности челоуѣчества, тотъ тѣмъ самымъ необходимо становится въ ряды защитниковъ того мнѣнія, что все въ мірѣ худо и постоянно идетъ къ худшему; они очень склонны каждаго, несогласяющагося съ ними, обвинять въ пессимизмъ, въ мрачномъ воззрѣніи на исторію и жизнь, въ предразсудкѣ старины, по кото-

рому все старое и прежнее кажется лучшимъ потому только, что оно древнѣе новаго. Конечно, могутъ быть и такіе взгляды на движеніе исторіи, по которымъ теченіе ея представляется постояннымъ склоненіемъ отъ совершенства къ несовершенству; но истинно - христіанскій взглядъ на ходъ жизни рода человѣческаго одинаково далекъ, какъ отъ односторонности оптимизма, такъ и отъ крайности пессимизма. Не допуская безусловнаго прогресса, христіанство не только признаетъ дѣйствительныя усовершенствованія въ родѣ человѣческомъ, но и объясняетъ ихъ истинный источникъ. Существенное различіе между тѣмъ понятіемъ о прогрессѣ, которое даетъ односторонняя философія, и тѣмъ, которое допускается христіанскимъ ученіемъ, состоитъ въ томъ, что первая утверждаетъ *необходимое самоусовершеніе* рода человѣческаго, а послѣдняя допускаетъ только *свободное усовершеніе* человѣка, *при содѣйствіи Промысла*.

Такое различіе понятій объ усовершенствованіи проистекаетъ отъ кореннаго различія возрѣвній на сущность и свойства человѣческой природы. По основной идеѣ той философіи, изъ которой проистекаетъ ученіе объ абсолютномъ прогрессѣ, духъ конечный, человѣческій, по формѣ явленія, а не по сущности, отличенъ отъ Духа безконечнаго. По ученію христіанской религіи, человѣкъ есть существо не только *ограниченное* и по самой ограниченности несовершенное, но притомъ *падшее* и *возстановляемое* отъ своего паденія не собственными силами, но безпредѣльнымъ милосердіемъ Божиимъ. Если перваго рода понятіе о существѣ человѣческаго духа

приводить естественно къ теоріи необходимаго и постояннаго самоусовершенія; то истинное и утверждаемое христіанствомъ понятіе о немъ очевидно должно привести къ мысли объ ограниченномъ только и не отъ однихъ человѣческихъ усилій зависящемъ, усовершеніи.

1) Человѣкъ есть существо ограниченное. Первое и ближайшее слѣдствіе ограниченности его есть то, что, не смотря на самостоятельность его, какъ самое бытіе его, такъ и жизнь зависятъ не исключительно и единственно отъ него самаго, но вмѣстѣ и отъ содѣйствія определяющей его къ бытію и поддерживающей его жизнь высшей Силы. Изъ сего слѣдуетъ, что, если усовершенствованіе есть коренной законъ его жизни, то онъ можетъ быть осуществляемъ въ жизни дѣйствительной не иначе, какъ тогда, когда къ самостоятельному и свободному стремленію человѣка исполнить сей законъ присоединится содѣйствующее и споспѣшествующее вліяніе той Силы, которая поддерживаетъ самое бытіе и жизнь его, какъ существа конечнаго. Сія Сила, высшая существа ограниченаго и отличная отъ него, — Сила, отъ которой не только первоначально простирается, но и постоянно зависитъ его бытіе и жизнь, есть конечно Сила Божественная, отъ которой мы приедемъ и животъ и дыханіе и вся. Итакъ изъ самаго понятія объ ограниченности человѣка, простираетъ уже та истина, что для человѣчества возможно не безусловное самоусовершенствованіе, но усовершеніе при помощи Божіей, при содѣйствіи верховнаго міроуправящаго Промысла.

Что для человѣка невозможно *самоусовершеніе*
 Ч. XIX.

въ строгомъ и точномъ смыслѣ сего слова, это допускаютъ даже тѣ мыслители и историки, которые забываютъ о дѣятельномъ участіи Промысла въ направленіи историческихъ событій. Они признаютъ ограниченность человѣка, и, въ слѣдствіе этой ограниченности, условность и зависимость его усовершенствованія, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, — со стороны внѣшней природы. Они, иногда даже съ большею, чѣмъ слѣдуетъ, силою, выставляютъ на видъ то, что географическое положеніе страны, климатъ, почва, обиліе или недостатокъ и свойство естественныхъ произведеній имѣютъ могущественное вліяніе на ходъ исторіи народовъ; они утверждаютъ, что окружающая человѣка природа можетъ или ускорить его усовершенствованіе или замедлить, даже положить ему непреодолимыя препятствія какъ бы насильственно, оставляя нѣкоторыя племена, живущія въ негостепримныхъ для человѣка странахъ, на степени неподвижной тупости и умственной неразвитости. Но если допускаютъ ограниченность самоусовершенствованія съ одной стороны, утверждая, что развитіе народовъ зависитъ отъ многихъ условій, полагаемыхъ внѣшнею природою, по тѣсной связи ея съ человѣкомъ; то тѣмъ болѣе, не должны ли мы признать ограниченность и съ другой, духовной стороны, — и отсюда — возможность его усовершенствованія только при содѣйствіи высочайшаго міроуправящаго Существа, отъ котораго человѣкъ въ своемъ существованіи находится въ богѣ существенной зависимости, нежели отъ природы внѣшней? Упомянуть о внѣшнихъ физическихъ причинахъ, содѣйствующихъ или вредящихъ усо-

вершенію чловѣка и забывать о Промыслѣ — не значитъ ли говорить о причинахъ второстепенныхъ и посредствующихъ и забывать о самой главной, отъ которой наиболѣе зависитъ теченіе и направленіе событій? Если Богъ не есть Существо, удалившееся отъ міра, оставившее его по созданіи на произволь случая, но Существо вѣчно живое и непрестанно дѣятельное, постоянно поддерживающее и направляющее ко благу жизнь міра, не только вещественнаго, но и духовнаго; то не должны ли мы признать, что и жизнь рода чловѣческаго не можетъ идти по предписанному ей закону, сама собою, безъ помощи Божественной, что усовершенствованіе чловѣчества можетъ совершаться только при постоянномъ содѣйствіи Промысла Божія?

2) Такимъ благотворнымъ содѣйствіемъ Божественной помощи чловѣкъ конечно и воспользовался бы рѣшительно для достиженія цѣли своего бытія, еслибы онъ сохранилъ свою природу въ той чистотѣ и совершенствѣ, съ какими она первоначально вышла изъ рукъ премудраго Создателя. Родъ чловѣчскій, при благодатной помощи свыше, постоянно усовершенсался бы во все продолженіе своего земнаго существованія, и еслибы сему существованію, равно какъ и распространенію рода чловѣческаго на земномъ шарѣ, надлежало положить предѣлъ, то онъ, безболѣзненно освободившись отъ узъ бреннаго тѣла, перешелъ бы неизвѣстнымъ для насъ путемъ, минуя врата болѣзненной смерти (а), въ міръ высшій,

(а) При семъ не безполезна вспомнить Еноха и Илію.

гдѣ продолжалъ бы безконечное усовершенствованіе и съ нимъ блаженную жизнь, въ новой формѣ бытія. Но къ несчастію, по винѣ самаго чловѣка, случилось иное, — и правильное теченіе его жизни должно было измѣниться. Чловѣкъ, въ настоящемъ своемъ состояніи, по ученію Откровенія, есть существо не только ограниченное по своей природѣ и по своимъ совершенствамъ, — но и *падшее*. — Забывая объ ограниченности чловѣка, защитники абсолютнаго прогресса забываютъ и о другой, не менѣе важной для объясненія историческихъ явленій, истинѣ — *паденія*. Они представляютъ природу чловѣческую вообще совершенною и всѣ явленія обще-исторической жизни нормальными и законными; они не обращаютъ вниманія на то, что, кромѣ собственнаго опыта каждаго, самыя очевидныя, но для нихъ необъяснимыя явленія ненормальныхъ состояній въ исторіи чловѣчества должны бы приводить ихъ къ совершенно иному понятію о настоящемъ состояніи чловѣка. Если законъ усовершенствованія часто не исполняется въ дѣйствительномъ теченіи исторіи, то отсюда не слѣдуетъ ли прямое заключеніе, что родъ чловѣческой находится въ состояніи неестественномъ, далеко отъ совершенства, къ какому предназначенъ, — именно въ состояніи паденія?

Но если чловѣчество находится въ состояніи паденія, то еще болѣе, чѣмъ изъ понятія ограниченности его, очевидно, что оно не можетъ собственными силами подвигаться неуклонно по пути усовершенствованія и осуществлять вполне предписанный ему законъ, потому что поврежденіе проникло всю

его природу, коснулось не только его ума, но и воли,—самой силы стремиться къ добру и совершенству. Отсюда всѣ печальныя явленія уклоненія отъ правды, умственной неподвижности и нравственного упадка, часто замѣчаемыя въ исторіи. Отсюда то часто наблюдаемое въ исторіи народовъ несоотвѣтствіе между умственнымъ просвѣщеніемъ и нравственнымъ состояніемъ ихъ, которое обличаетъ (какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ несоотвѣтствіе яснаго сознанія нравственного закона съ исполненіемъ его), что въ человѣкѣ, кромѣ закона усовершенствованія, постояннаго преспѣванія въ разумнѣи и добрѣ, въ слѣдствіе паденія, явился *иизъ законъ, противоюущъ закону ума* и влекущій его обезсилѣвшую отъ болѣзненнаго поврежденія грѣхомъ волю, къ злу вмѣсто добра (Римл. 7, 23 и др.).

Если бы, при столь глубокомъ паденіи человѣка, онъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ, то и исторія его должна бы представить картину не постояннаго усовершенствованія, а вѣрнѣе—постепеннаго паденія глубже и глубже. Но такъ какъ въ дѣйствительности мы видимъ не одно только постоянное и повсемѣстное развитіе зла и несовершенства, но и свѣтлыя явленія добра и усовершенствованія, то отсюда опять должно признать, что падшей природѣ человѣка на пути ея жизни вспомошествоуетъ особенная сверхъ-естественная сила Промысла, имѣющая цѣлю возстановить человѣка изъ глубины его паденія. Ибо если и жизнь неповрежденнаго грѣхомъ человѣка, по ограниченности его, не могла бы благоустроиться безъ постояннаго содѣйствія Божія; то не гораздо ли болѣе необходимо сіе со-

дѣйствіе для жизни падшаго, но предназначеннаго, по милосердію Божию, къ возстановленію рсда чловѣческаго? Если каждый чловѣкъ, въ слѣдствіе поврежденія грѣхомъ своей природы, по учевію Откровенія, можетъ преуспѣвать въ добръ только при помощи особенной благодати Божіей; то не должно ли тогоже сказать и о всемъ падшемъ чловѣчествѣ? Не должны ли мы признать, что при несовершенствѣ падшей природы чловѣка, всѣ обнаруженія истиннаго усовершенствованія въ его исторіи, всѣ лучшія, свѣтлыя идеи, всѣ благія начинанія произошли не безъ участія Промысла? Дѣйствительно, имѣя въ виду паденіе чловѣка и послѣдовавшее за тѣмъ глубокое поврежденіе его природы, мы должны признать, что дѣйствительныя явленія движенія къ совершенству чловѣческаго рода, истинный историческій прогрессъ можетъ совершаться только при содѣйствіи Промысла Божія, дѣятельнымъ и спасительнымъ образомъ участвующаго въ направленіи всѣхъ событій ко благу чловѣка.

Защитники самоусовершенствованія забываютъ эту истину. Они допускаютъ только естественное теченіе событій и все приписываютъ однимъ чловѣческимъ силамъ, одному врожденному въ чловѣкѣ стремленію къ самоусовершенствованію. Но не таковъ христіанскій взглядъ на исторію; не отвергая самодѣятельности чловѣка и естественныхъ добрыхъ влеченій въ немъ къ усовершенствованію, христіанинъ, въ важнѣйшихъ событіяхъ исторіи, имѣвшихъ всемірное значеніе и содѣйствовавшихъ къ усовершенію рода чловѣческаго, замѣчаетъ ясныя слѣды сверхъестественнаго участія Промысла Божія. Предоставимъ

исторіи указывать сіи событія и въ нихъ открывать знаменія міроуправляющей десницы Божіей. Упомянемъ здѣсь объ одномъ изъ нихъ, но самомъ главномъ, о явленіи и распространеніи христіанства, всемірнаго значенія котораго и благодѣтельнаго вліянія на усовершеніе рода человѣческаго никто отвергать не станетъ. Всѣ попытки рачіонализма объяснить явленіе его изъ естественнаго развитія человѣческаго ума, а распространеніе изъ естественнаго хода событій, остаются неудачными. Дѣйствительно, обращая вниманіе на одно предшествующее явленію христіанской религіи естественное состояніе рода человѣческаго, мы не въ состояніи будемъ понять, какимъ образомъ по одному только сщепенію событій среди развращеннаго, невѣрующаго или суевѣрнаго, разрушающагося міра могло возникнуть новое, свѣтлое, полное жизни и силы общество христіанъ? Какимъ образомъ основанія сего новаго общества могли быть положены въ угнетенной и униженной странѣ, среди презираемаго всѣми народа, а первыми создателями его могли быть нѣсколько бѣдныхъ «неученыхъ и простыхъ» (Дьян 4, 3) галилейскихъ рыбаей и мытарей, принявшихъ повелѣніе идти на всемірную проповѣдь отъ Того, Коего міръ не зналъ, въ лицѣ Котораго онъ видѣлъ не болѣе, какъ сына тектонова? Какимъ образомъ слабое по внѣшнимъ силамъ въ началѣ, христіанство могло восторжествовать надъ самыми ожесточенными гоненіями его враговъ? Естественно, земныя средства, которыми обладали тѣ, коимъ свыше предназначено было дѣло распространенія вѣры христіанской, были такъ ничтожны въ сравненіи съ неслыханно-великою цѣлю, — поко-

рять всю вселенную владычеству Креста, препятствія, которыя они должны были встрѣтить, такъ многочисленны, что, еслибы такое предпріятіе и такое дѣло было *отъ чловѣка* (Дѣян. 5, 38), то, по всеѣмъ чловѣческимъ соображеніямъ, оно неизбѣжно должно было разрушиться въ самомъ началѣ, не оставивъ послѣ себя и слѣдовъ своего кратковременнаго существованія. Но не смотря на ничтожность земныхъ средствъ, не смотря на все препятствія, царство Божіе, въ началѣ столь малое, по свидѣтельству слова Божія, какъ зерно горчичное (Марк. 4, 31. 32), быстро возрасло въ великое и многоплодное древо, подъ сѣнію котораго укрылись и укрываются, и плодами котораго питаются все народы. Иначе и быть не могло; это сѣмя, посаженное въ сухую и по видимому неплодную землю пораженнаго духовною смертію міра, было возвращено чудодѣйственною силою Божіею, тою же самою силою, которая нѣкогда отъ сухаго жезла Ааронова въ одну ночь произрастила и цвѣтъ и плодъ. *Дѣло содѣлаю во днѣхъ вашихъ, дѣло, ему же не имате вѣровати, аще кто исповѣсть вамъ* (е),—такъ самъ Господь изрекъ о необыкновенномъ и необъяснимомъ изъ естественнаго теченія къ связи историческихъ событій времени первоначальнаго распространенія христіанской религіи.

3) Итакъ ограниченной и при томъ падшей природѣ чловѣка недоступно безусловное само-

(е.) Т. е.—дѣло, которому не повѣрили бы вы, если бы кто рассказывалъ вамъ (Аввак. 1, 5. Дѣян. 13, 41.).

усовершенство. Какъ каждый человекъ, такъ и все человечество, можетъ дѣйствительно усовершенствоваться только въ той мѣрѣ, въ какой усвоитъ спасительную помощь Божію и воспринимаетъ содѣйствіе ея своимъ собственнымъ стремленіемъ къ усовершенствованію. Но, по ученію христіанскому, сія спасительная и сверхъ-естественная *помощь*, совершающая возстановленіе падшаго человека и возведеніе его къ первобытному совершенству, заключается единственно въ тѣхъ живыхъ и животворныхъ силахъ, какія дарованы человеческому роду для его обновленія чрезъ искупленіе его Христомъ, Спасителемъ міра. Только въра во Христа, и усвоеніе благодатныхъ плодовъ Его явленія во плоти, можетъ изгладить въ нашей душѣ слѣдствія паденія, не только уяснить помраченный грѣхомъ законъ нравственнаго усовершенствованія, но и подать силы исполнять его.

Естественно, что, заблуждаясь касательно истинныхъ свойствъ человеческой природы, оставляя безъ вниманія ученіе о паденіи человека, защитники теоріи безусловнаго прогресса тѣмъ менѣе обратили вниманія на ученіе объ искупленіи и о дарованныхъ чрезъ *оное* сверхъ-естественныхъ средствахъ къ возстановленію человека отъ паденія. Между тѣмъ сіе ученіе опять объясняетъ въ жизни рода человеческого многія явленія, которыя безъ того остались бы совершенно необъяснимыми. Именно, оно утверждаетъ и объясняетъ ту всемірно-историческую истину, что народы и все человечество въ той мѣрѣ могутъ усовершенствоваться, въ какой усвоятъ себѣ плоды искупленія върою во Христа Спасителя міра или грядущаго или пришедшаго уже въ міръ.

Дѣйствительно, исторія показываетъ намъ, что до рождества Христова сѣмя истиннаго и прочнаго усовершенствованія сохранялось и раскрывалось преимущественно въ той части рода человѣческаго, которая находилась подъ особеннымъ руководствомъ Божиимъ, и жизнь которой поддерживалась и оживлялась вѣрою въ грядущаго Мессію. — въ народъ израильскомъ. Откуда въ этомъ народѣ могли бы явиться такія возвышенныя и чистыя понятія о Богѣ и нравственности, которыхъ не достигли и лучшіе умы языческаго міра, и которыми этотъ народъ такъ замѣтно отдѣляется отъ прочихъ народовъ древности, если бы онъ былъ предоставленъ одному только естественному развитію человѣческой природы? Откуда въ его общественныхъ установленіяхъ, законахъ, нравахъ, много столь противорѣчащаго обычной суровости древнихъ законодательствъ и нравамъ языческихъ народовъ, не только въ тѣ древнѣйшія времена, когда явились сѣи законы, но и во времена позднѣйшаго развитія языческой образованности? Что касается до народовъ языческихъ, то плачевное состояніе ихъ предъ пришествіемъ Христовымъ, крайній упадокъ языческаго міра во всѣхъ отношеніяхъ, не смотря на тысячелѣтнія стремленія къ усовершенствованію (ибо такія стремленія, хотя безсильныя и часто обманывающіяся относительно своей истинной цѣли, не исчезали и въ падшемъ чловѣкѣ), — не показываетъ ли намъ ясно, какъ непрочно, слабо, неистинно то усовершенствованіе, которое создается не на основаніи вѣры въ Искупителя? Исторія міра, по пришествіи Христа Спасителя, съ не меньшею ясностію подтверждаетъ сію истину. Гдѣ мы

видимъ больше признаковъ истиннаго усовершенствованія, какъ не среди народовъ христіанскихъ? Отъ чего современные языческіе народы, не смотря на древность образованія и многочисленность нѣкоторыхъ изъ нихъ, остаются съ отдаленныхъ временъ неподвижными, тогда какъ постоянное развитіе наукъ, искусствъ, законодательства, показываетъ въ жизни народовъ христіанскихъ присутствіе нѣкоторой, невидимой, животельной силы, которой чужды племена языческія и которой дѣйствія простираются на весь почти обнаруженія народной жизни? Эта животворная сила есть Божественная сила христіанской религіи, распространяющая болѣе или менѣе свои спасительныя дѣйствія на весь народы, озаренные ею, по мѣрѣ ихъ пріемлемости. Не въ какихъ либо особенно благоприятныхъ условіяхъ мѣстности и климата, не въ фізіологическомъ превосходствѣ европейской породы (расы) надъ другими, но въ самомъ христіанствѣ и его благотворномъ, хотя не всегда ясно замѣтномъ, вліяніи безпристрастный наблюдатель историческихъ событій найдетъ истинную причину замѣчаемыхъ среди христіанскихъ народовъ явленій прогресса. А отсюда онъ можетъ заключить, что и для временъ будущихъ, христіанская религія есть необходимое и единственное условіе усовершенствованія рода человѣческаго; истинное усовершенствованіе возможно только въ той мѣрѣ, въ какой народы будутъ воспринимать и вѣрно осуществлять въ жизни истинны Христовой религіи; вне христіанства, и независимо отъ него, не можетъ быть ни истиннаго прогресса, ни истинной свѣтлой возвышающейся исторической жизни, но только мертвенный застой или движеніе назадъ.

Итакъ ограниченность человѣческой природы, ея паденіе и возстановленіе чрезъ искущеніе, — вотъ тѣ, возвышаемыя Откровеніемъ истины, которыя нужно имѣть въ виду для объясненія исторической жизни рода человѣческаго. Ограниченность человѣка не дозволяетъ допустить неограниченнаго и совершенно-самостоятельнаго самоусовершенія его; паденіе объясняетъ причины частыхъ уклоненій его отъ правильнаго пути развитія; ученіе же о возстановленіи его чрезъ искущеніе указываетъ въ христіанской религіи источникъ всѣхъ истинныхъ усовершенствованій въ родѣ человѣческомъ. Имѣя въ виду сіи истины, историкъ не будетъ поставленъ въ необходимость, вопреки очевидности, оправдывать, во что бы то ни стало, всѣ историческія явленія, какъ явленія прогресса. Отдавая должную справедливость всѣмъ явленіямъ дѣйствительнаго усовершенствованія въ жизни народовъ и человѣчества, онъ можетъ называть своимъ именемъ всѣ язвы, заблужденія и болѣзни общественныя, и вмѣсто безплоднаго старанія отыскивать ихъ мнимо-историческое значеніе и разумную необходимость, будетъ изслѣдовать только историческія причины ихъ зарожденія, обнаруженія и бѣльшаго или меньшаго распространенія, а за тѣмъ и причины исчезновенія, въ ряду которыхъ, кромѣ естественнаго стремленія народовъ къ усовершенствованію, найдетъ ясныя слѣды дѣйствія и сверхъ-естественной помощи, исходящей свыше, отъ верховнаго Воспитателя и Руководителя человѣческаго рода.

Правильный, основанный на откровенномъ ученіи о природѣ челоѵка, взглядъ на усовершенствованіе рода челоѵческаго опредѣляетъ и правильное отношеніе наше къ явленіямъ современной жизни и особенностямъ ея направленія и предохраняетъ отъ тѣхъ ложныхъ отношеній къ дѣйствительности, какія могутъ проистекать отъ односторонняго возрѣнія на жизнь рода челоѵческаго, какъ на постоянное самоусовершенство.

При видѣ различныхъ явленій, совершающихся вкругъ насъ, каждый изъ насъ, связанный множествомъ отношеній съ окружающею его дѣйствительностію, если не хочетъ слѣпо и безсознательно подчиняться господствующему движенію вѣка и духа времени, необходимо долженъ спросить: что означаютъ тѣ или другія современныя явленія? суть ли они явленія усовершенствованія челоѵчества, или, не смотря на весь блескъ, которымъ часто бываютъ окружены, явленія нравственнаго упадка? Послѣдовательное приложеніе теоріи абсолютнаго прогресса къ оцѣнкѣ современныхъ явленій, можетъ привести къ неправильному, и потому небезвредному для нравственнаго направленія нашей дѣятельности, отвѣту на сіи вопросы. Склоняясь къ историческому оптимизму, къ тому возрѣнію, что каждое новое, значительное движеніе на пути исторіи, есть движеніе впередъ, усовершенствованіе, оно легко можетъ привести къ одностороннему предпочтенію новаго предъ старымъ, къ несправедливому пренебреженію всего освященнаго вѣками, къ безусловному одобренію всего новаго, потому только, что оно новое, не взирая на его иногда противунравственное значеніе, къ слѣпому

увлеченію духомъ вѣка, безъ повѣрки его предъ высшимъ, нравственнымъ судомъ.

Но если мы вспомнимъ, что человѣкъ есть существо ограниченное по природѣ и при томъ падшее, что, не смотря на могущественное содѣйствіе Промысла къ его возстановленію, сіе содѣйствіе, по свободѣ человѣка, не всегда воспринимается, или не въ той мѣрѣ воспринимается, въ какой должно бы быть усвояемо; то мы легко придемъ къ убѣжденію, что не все новое безусловно лучше прежняго, что и въ христіанскомъ мірѣ и обществѣ могутъ возникать печальныя явленія несовершенства, смѣняющія иногда лучшія и болѣе совершенныя проявленія духовной жизни. А это убѣжденіе научаетъ насъ быть осторожными въ сужденіи о представляющихся намъ явленіяхъ современности, и требуетъ, чтобы мы, безъ предзанятыхъ мыслей и совершенствъ или несовершенствъ ихъ, внимательно сравнивали ихъ съ тѣмъ идеаломъ нравственнаго совершенства, который дается разумомъ и озаряется христіанствомъ, и этимъ сравненіемъ определяли ихъ относительное достоинство. Такой судъ, при простотѣ и ясности нравственныхъ началъ, не можетъ быть особенно труднымъ: всякое явленіе, проистекающее изъ началъ противунравственныхъ или ведущее явно къ послѣдствіямъ, вреднымъ для нравственности, никогда не можетъ быть названо усовершенствованіемъ, какъ бы блестящимъ оно ни являлось и какимъ бы сочувствіемъ времени ни пользовалось. Потому что, съ одной стороны изъ нечиста о источника противунравственныхъ и противу-христіанскихъ побужденій не можетъ произойти ничего истинно-полезнаго и

совершеннаго, съ другой, явленія здороваго развитія человѣческой природы не могутъ производить нравственнаго разстройства въ обществѣ, хотя и здѣсь должно помнить, что, по несовершенству человѣческой природы, нельзя ожидать, чтобы и хорошее проявленіе ея силъ было безусловно-совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и чтобы, по испорченности воли, нѣкоторые не могли употребить во зло самыхъ правильныхъ обнаруженій усовершенія.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь производить съ представленной нами точки зрѣнія оцѣнку различныхъ направленій и особенностей нашего времени; укажемъ только на одну изъ нихъ, — на стремленіе, или практически приложить къ внѣшней жизни истины открытыя уже наукою, или изслѣдовать истину именно съ цѣлію практическаго примѣненія ея, — на стремленіе, которое не безъ основанія почитаютъ самою замѣтною отличительною чертою нашего времени. Отъ того въ области знанія мы замѣчаемъ преобладаніе эмпирическихъ и общественныхъ наукъ съ замѣтнымъ ослабленіемъ участія къ наукамъ исключительно теоретическимъ и не представляющимъ непосредственнаго приложенія къ жизни. Отсюда множество изобрѣтеній, имѣющихъ предметомъ улучшеніе вещественныхъ удобствъ жизни, уменьшеніе тяжелаго труда, сокращеніе времени и разстояній и проч.

По наиболѣе распространенному мнѣнію, всѣ эти явленія служатъ несомнѣнными признаками прогресса, достоинствами нашего вѣка, которыми онъ можетъ гордиться предъ предыдущими. Что сами по себѣ всѣ эти изобрѣтенія, усовершенствованія и стремленія выражаютъ собою успѣхи человѣческаго

ума, этаго конечно никто отвергать не станетъ. Но этаго одного еще не достаточно , чтобы они были признаками истиннаго прогресса того вѣка, въ который явились. Истинный прогрессъ челоуѣчества состоитъ не въ одномъ только умственномъ, но и въ нравственномъ усовершенствованіи. Превратное направленіе воли, соединяющееся съ внѣшними улучшениями, употребляющее ихъ, какъ средства для дурныхъ цѣлей, не только можетъ лишить ихъ собственного достоинства, но и сдѣлать орудіями нравственной порчи; а тогда онѣ, вмѣсто того, чтобы быть признаками улучшения, будутъ служить только знакомъ общественнаго упадка. Вся изобрѣтенія и открытія тогда только могутъ имѣть полное свое достоинство, когда онѣ, проистекая изъ развитія умственнаго и свидѣтельствуя объ успѣхахъ его, способствуютъ, или по крайней мѣрѣ не препятствуютъ и нравственному совершенству челоуѣчества.

Какое направленіе всѣмъ подобнымъ усовершенствованіямъ нашего вѣка дастъ родъ челоуѣческій,— это покажетъ конечно время; ибо самая современность ихъ не позволяетъ судить о всѣхъ послѣдствіяхъ и измѣненіяхъ, какія произведутъ онѣ во внутреннемъ состояніи народовъ и челоуѣчества. Но по крайней мѣрѣ, и въ настоящее время каждый челоуѣкъ, руководясь нравственнымъ закономъ и идеею истиннаго усовершенствованія, можетъ поставить себя къ нимъ въ надлежащее отношеніе, и, сколько отъ него зависитъ, можетъ сдѣлать временныя открытія орудіемъ истиннаго усовершенствованія. Онѣ сдѣлаютъ ихъ такими орудіями, когда и въ своихъ собственныхъ стремленіяхъ къ общественнымъ и жи-

тейскимъ улучшеніямъ , и въ пользованіи уже произведенными, будетъ помнить, что истинною цѣлію жизни должны быть не эти улучшенія сами по себѣ, и матеріальное удобство жизни ими доставляемое, — но усовершенствованіе духа, всестороннее раскрытіе его силъ. Всѣ вещественныя улучшенія суть только *средства*, содѣйствующія духовному развитію чрезъ устраненіе препятствій къ нему, а не послѣдняя цѣль человеческой жизни. Руководственною идеею всѣхъ вещественныхъ улучшеній должно быть стараніе поставить человѣка въ меньшую зависимость отъ гнетущихъ его часто житейскихъ нуждъ, отъ подавляющихъ заботъ о внѣшнемъ, тѣлесномъ существованіи и о всемъ , что сюда относится , — заботъ , при слабости его природы, поглощающихъ часто время, которое могло бы быть употреблено для болѣе полезной и сообразной съ достоинствомъ человѣка , дѣятельности. Истинный смыслъ всѣхъ житейскихъ улучшеній долженъ заключаться въ стараніи уменьшить зависимость духа человеческого отъ природы и условій чувственного бытія , не для того , чтобы онъ могъ предаваться праздности, погруженный въ вещественное довольство , но съ тою цѣлію , чтобы дать ему время и способы для большаго и большаго умственного и нравственного самообразованія. Сокращеніе времени и пространства , — двухъ коренныхъ формъ чувственного ограниченія человѣка, — въ которомъ особенно выразилось торжество ума человеческого въ нашъ вѣкъ, должно имѣть цѣлію соответственное расширеніе области духовныхъ потребностей и духовной жизни. Справедливо говорятъ, что время есть самое драгоцѣнное сокровище для человѣка; сбе-

реженіе этаго сокровища есть существенное благо, доставляемое чловѣку повѣйшими открытіями и усовершенствованіями. Онѣ сберегаютъ этотъ драгоценный даръ отъ напрасной и безплодной траты на заботы объ удовлетвореніи необходимыхъ потребностей тѣлесной жизни, чрезъ улучшеніе всего вещественно-необходимаго чловѣку, чрезъ сокращеніе разстояній, нужныхъ для доставленія его. Это же самое сокращеніе разстояній производитъ и другое болѣе важное явленіе въ его духовной жизни,—удобство сближеній между людьми и народами, взаимнаго обмѣна мыслей, свѣдѣній и улучшеній. Только тотъ, кто съ христіанской точки зрѣнія смотритъ на всѣ современныя улучшенія, кто пользуется ими, какъ средствами для духовнаго усовершенствованія и, имѣя въ виду это усовершенствованіе, трудится для распространенія ихъ въ общество, находится на пути истиннаго прогресса.
